

Список литературы

1. Гаман И.Г., Якоби Ф.Г. Философия чувства и веры. СПб.: 2006. 487 с.
2. Гартман Н. К основоположению онтологии. СПб.: Наука, 2003. 640 с.
3. Голубинский Ф.А. Лекции по философии и умозрительной психологии. СПб.: Тропа Троянова, 2006. 464 с.
4. Корнелиус Г. Введение в философию. М.: Ком Книга, 2011. 328 с.
5. Лем С. Мой взгляд на литературу. М.: АСТ, 2009. 837 с.
6. Лем С. Сумма технологии. М.: АСТ, 2018. 640 с.
7. Лем С. Так говорил... Лем. М.: АСТ–Хранитель, 2006. 764 с.
8. Лем С. Философия случая. М.: АСТ–Хранитель, 2007. 767 с.
9. Лем С. Чёрное и белое. М.: АСТ, 2015. 640 с.
10. Лифшиц М.А. Что такое классика? Онтогносеология. Смысл мира. «Истинная середина». М.: Искусство XXI век, 2004. 512 с.
11. Лифшиц М.А. *Varia*. М.: Грюндриссе, 2010. 172 с.
12. Мальбранш Н. Разыскания истины. СПб.: Наука, 1999. 650 с.
13. Паульсен Ф. Введение в философию. М.: Либроком, 2011. 464 с.
14. Серрюс Ш. Опыт исследования значения логики. М.: Едиториал УРСС, 2002. 224 с.
15. Шопенгауэр А. Собрание сочинений в 6-ти томах. М.: Терра-Книжный клуб–Республика, 2001. Том 4, 400 с.

ТЕХНОЛОГИЯ И АКСИОЛОГИЯ: БИОЛАТРИЧЕСКИЙ ПЕНТАЛОГ ПО СТАНИСЛАВУ ЛЕМУ

Околовский П.

Варшавский университет, Институт философии

В статье представлено отношение С. Лема к следующим пяти вопросам общечеловеческого существования (биолатрическому пенталогу): аборт, смертной казни, эвтаназии, пересадке органов, использованию человеческих клеток и тканей, в т.ч. в условиях ускоренного развития биотехнологий. На основе работ С. Лема обсуждаются связанные с этим проблемы морали, добра и зла.

Ключевые слова: технология, аксиология, биолатрический пенталог, манихеизм, мораль, добро, зло.

TECHNOLOGY AND AXIOLOGY: BIOLATRIC PENTALOGUE BY STANISLAW LEM

Okółowski P.

Warsaw University, Institute of Philosophy

The article presents the attitude of S. Lem to the following five issues of universal human existence (biolatric pentalogue): abortion, death penalty, euthanasia, organ transplantation, the use of human cells and tissues, including in the conditions of accelerated development of biotechnology. On the basis of S. Lem's works, the related problems of morality, good and evil are discussed.

Key words: technology, axiology, biolatric pentalogue, Manichaeism, morality, good, evil.

Известен взгляд Станислава Лема на разрушающее воздействие технологий на социальную жизнь человека, а через неё – на личную. В этом отношении несколько вводит в заблуждение «Сумма технологий» – пророческие высказывания, – но она была издана в 1964 году. С конца же 1960-х годов мы уже имеем дело с Лемом последовательно пессимистичным, который говорит: развитие технологий влечёт за собой разрушение культуры [1]. Мировая интерпретация Лема этот факт игнорирует или скрывает, хотя автор стоял на своём в течение сорока лет.

Позиция Лема звучит наиболее выразительно в аксиологии – в его отношении к поведенческим образцам. Возьмём сегодняшние символические «институты» западного мира («институты» в смысле Арнольда Гелена), то есть новые цивилизационные стандарты поведения и мышления, пропагандирующие типичные и массовые явления. Постепенно они вошли в обычаи вместо традиционных. Сегодня мир отождествляет нас с ними, потому что они доминируют в политике и в прессе (хотя статистически и не все). Ниже представляем эти «институты», как их понимает Станислав Лем. Они образуют своеобразный биолатрический **пенталог**:

(**Л**) либерализм абортивный = полное разрешение на экстракцию человеческого плода, то есть уничтожение невинных;

(**А**) аболиционизм в отношении высшей меры наказания = защита наиболее виновных;

(**Б**) брутализм агональный (запрет на осознанную эвтаназию умирающих) = немилосердность: отсутствие жалости и неуважение к чужой воле;

(**Н**) неоканнибализм трансплантационный (органов) = использование трупов для трансплантации, для спасения чьей-либо жизни или повышения её комфорта;

(**М**) неоменгелизм (неоканнибализм промышленный) = производство и использование человеческого тела (клеток и тканей, включая зиготу).

Станислав Лем всё это отвергает, хотя и умеренно. Об экстракции плода мы читаем:

(~**Л**) «Существует меньшее зло (...). Лучший выход – препятствовать оплодотворению, а не уничтожать уже развившуюся зиготу. Потому что чем дальше продвигается развитие, тем более эмбрион становится человеком» [2].

Умеренное возражение Лема в этом случае исходит также из существования «меньшего зла» в многочисленных трагических ситуациях, касающихся беременности и родов (таких, как угроза жизни матери или беременность в результате изнасилования), а также – из-за демографического взрыва.

Во втором вопросе, столь же традиционном, умеренность Лема заключается в признании возможности применения высшей меры наказания исключительно для явно дьявольских существ:

(~**А**) «Я за смертную казнь для отъявленных убийц» [3].

Следующие три «института» родились в условиях, созданных в XX веке развитием технологий, и представляют собой исторические *novum*. Это касается также и эвтаназии, поскольку сейчас речь идёт об её массовости и о расширении этого явления, связанного с двукратным увеличением средней продолжительности человеческой жизни благодаря медицине. Читаем у Лема:

(~**Б**) «Я – за эвтаназию, но при условии строгого медицинского и юридического контроля» [4].

Медицинский контроль должен гарантировать, что человек действительно находится в состоянии агонии, а юридический – что известна воля умирающего. Что касается неоканнибальских «заповедей» (**Н** и **М**), Лем – возможно, первый в мире – выразил свою чёткую позицию по этому вопросу в 1969 году в своем выступлении

«Видение философа на льдине», где он сказал (вскоре после первой трансплантации сердца):

«Начинается вторжение в организм – биотехнология. (...) С человеческим телом можно будет делать абсолютно всё, и тогда мы лишимся любых (...) ориентиров» [5].

В своей основной работе Арнольд Гелен говорил о «гуманизации человека»: «Она стала возможной только благодаря отказу от антропофагии». Этим отказом от людоедства объясняется стабильность сообщества (вообще его возможность) и важность религии в палеолите. По мнению Лема, сегодня мы имеем дело с обратным процессом. Вот пример его оппозиции непосредственно современному каннибализму:

(~НТ и ~НМ) «Я размышлял (...), что следует делать и как действовать, чтобы предотвратить (...) каннибализм, то есть разделку клонированных человеческих особей для получения так называемых запасных частей для трансплантации» [6].

На тему промышленного неоканнибализма Лем говорил следующее:

(~НМ) «Беспокоит то, что сегодня наследственность человека начинает восприниматься как тесто, из которого кондитер может выпекать то, что ему нравится. (...) Открываются врата для адских начинаний» [7].

Что представляют собой эти «врата»? Это всё более массово встречающиеся ситуации, когда приходится выбирать между страшным злом и ещё более худшим (например, использованием трупа в качестве пищи и смертью близкого человека). Их не должно быть, потому что они заставляют людей делать дьявольский выбор. Но такие ситуации существуют – благодаря технологии. А её остановить не удастся. Поэтому сохраняется скептицизм в отношении технологических «сенсаций» и избирательное реагирование в наиболее опасных случаях (таких, как пересадка голов или клонирование людей) [8].

Стандарты, отвергнутые Лемом, являются аморальными, все пять. Они усиливают зло и уменьшают добро в людях. При этом они обманчивы – притворяются добрыми; могли быть вложены в уста Великому Инквизитору из «Братьев Карамазовых» Достоевского. Это хорошо видно в свете двух аксиом Лема в философии человека: (1) манихеизм и (2) асимметрия добра и зла. Лем в рамках (1) манихеизма делит (вслед за Шопенгауэром) врождённые и неизменные человеческие характеры на позитивные, нейтральные и негативные (делит людей на тех, кто не хочет делать зло, тех, кто делать зло «не любит», но «иногда должен», и тех, кто «может и любит» [9]). Лем представляет (2) асимметрию добра и зла («мы (...) отличаемся асимметрией стремлений к "злу" и "добру"» [10]): положительные и нейтральные характеры (вместе хорошие – X) нужно с усилием учить добру; негативным (плохим – П) достаточно не мешать, чтобы делали своё (зло более динамично – размножается самостоятельно).

«Институты» пенталога сводят на нет (сглаживают) прежде всего факт существования хороших (X) и плохих (П) характеров, тем самым благоприятствуя плохим. Они являются выражением своеобразной веры – биолатрии [от греческих слов βίος (жизнь) и λατρεία (культ) – В.Я.], то есть культа жизни (или «хлеба»). Поэтому биолатрия дает возможность бесчинствовать и получать выгоды плохим, в то время как у хороших парализует совесть (своим фактическим нигилизмом) и привлекает их уменьшением обязанностей. Следовательно, это в чистом виде распространение зла. Можно ли это продемонстрировать? Безусловно, можно даже как-то посчитать. Возьмём биолатрический пенталог в наглядной, но адекватной стилизации. Он может выглядеть следующим образом:

(ЛА) Сохраняй комфортную жизнь для любого (взрослого X и П), убивая эмбрионы (невинных);

(АВ) («Не убивай убийц»). Сохраняй жизнь худшим (П), выступая против «виселиц» и уничтожая их (деморализуя X);

(БА) Насильно сохраняй жизнь кому-либо (X и П), несмотря на мучения в агонии (увеличивая тем самым жестокость и бессмысленные страдания вокруг);

(НТ) Сохраняй жизнь или комфорт жизни для любого (X и П), используя трупы (тем самым уничтожая чувство почитания у X);

(НМ) Сохраняй при помощи искусственного тела жизнь и комфорт жизни любого (X и П), уничтожая осознание бытия личности (растлевая X).

Обоснование отказа от вышеуказанного пенталога является прежде всего метафизическим. Заповедь **ЛА** благоволит виновным, а не невинным¹. **АВ** – величайший стимул для зла. Оба (**ЛА** и **АВ**) явно вредят чувству справедливости. **БА** также: заповедь явно наносит удар по милосердию и автономии личности (и по части христианской традиции, с чем Церковь сегодня не считается). В свою очередь **НТ** и **НМ** (как неограниченное согласие на медицинские технологии и биотехнологии) уничтожают древнейшее – каннибальское – табу, зародыш морали и семьи. Невооруженным глазом этого уничтожения не видно. Потому что и табу не видно, но именно из-за его влияния останки человека становятся святыми. Во-первых, запрет на вторжение в труп со времён палеолита – серьёзный барьер, существующий для жизни любой ценой. (Самоубийцы подтверждают, что жить можно не любой ценой: не ценой предательства, доноса, проституции, инвалидности и т.д. Табу распространяет этот принцип на всех – потому, что если вы пускаете в дело останки, то разрешено всё). Во-вторых, почитание трупов – это выражение святости прочных личных связей. (Если мы относимся к останкам с уважением, это означает, что мы любим умершего после его смерти – и это снова означает, что мы действительно любили его при его жизни.)² Раздача органов близких людей анонимным реципиентам – это как продажа расщепляющегося плутония террористам: непосредственно вы никому не причиняете вреда, а некоторым даже помогаете.

Отдельным аспектом каннибализма является использование человеческого тела отдельно от личности. До сих пор тело обязательным образом было связано с человеком и его личностью: конкретное тело – это конкретная личность. Положение вещей изменилось в XX веке. Было начато производство тела безличностного, то есть человекоподобной продукции – «человеческого мяса»³. И это разрушает осознание бытия «личностью». Ибо «личность», согласно определению Боэция, – это индивидуальное разумное бытие: она всегда хорошая (X) или плохая (П). А «гуманоидное производство» превращает людей в скопления существ, лишь считающихся живыми. А это служит злу. По отношению к биолатрическому пенталогу сегодня Церковь выступает только против абортот (ЛА) и манипуляции с зиготой (то есть лишь частично НМ).

¹ И наоборот – запрет на аборты в западном мире. Можно даже рассмотреть ограниченный «закон асимметрии роста энтелехии», родом из Аристотеля. В конкретных условиях окружающей среды отношение людей достаточно воспитанных к людям «лихим» будет увеличиваться вместе с ростом населения. При обеспеченной соответствующей материальной и духовной инфраструктуре общества, тем самым при его максимальной педагогической силе и некоем тогда же постоянном количестве убогих людей, можно сказать, что отношение творческих личностей к нетворческим (также можно использовать X к П) увеличивается с ростом популяции. Другими словами: в некотором диапазоне благоприятных социальных условий (например, в «государстве права» Канта) при росте рождаемости «проживших впустую» будет относительно меньше, чем при демографическом минимуме. В сталинском или гитлеровском государстве или в условиях крайней нищеты все будет наоборот: количество «проживших впустую» увеличивается вместе с рождаемостью.

² Биолатр парирует: «Я всё ещё люблю умершего, хотя и забрал сердце из его тела (для спасения других)». Субъективно – может быть и так. Глядя на этот вопрос беспристрастно: те, кто у близкого извлекает сердце, любит его меньше того, кто во имя любви не делает такой подарок другим. *Ergo*: взять сердце – это разврат. Исключением может быть завещание: если известна воля умершего, поддерживающая трансплантацию, любовь повелевает отдать его органы, как он и завещал. Но это не относится к умершим детям. Так или иначе – семейная ситуация здесь всегда трагична: с одной стороны, спасение индивидуальной жизни, с другой – обесценивание любви.

³ См. производящую сильное впечатление живопись Фрэнсиса Бэкона.

Существует также чисто экономическое обоснование отказа от биолатрического пенталого (и оно, и то метафизическое включают моральные основы отказа). Легальный аборт (Л_А) – это бизнес на медицинских услугах и интерес гедонистов (его запрет такого интереса не представляет⁴). Отмена высшей меры наказания (АВ) – это интерес государственных должностных лиц: судов, с которых снимается высшая ответственность, и психологов, работающих в бизнесе ресоциализации. С ослаблением судов связан рост безнаказанности крупного бизнеса. Запрет эвтаназии (Б_А) опять-таки представляет интерес для рынка медицинских услуг – для методов интенсивной терапии (легализованная эвтаназия требует незначительных затрат). Пересадка органов (НТ) представляет собой особенно большой бизнес (одна пересадка сердца стоит около 1 миллиона злотых [около 300 тысяч евро – В.Я.] – платит налогоплательщик, а кто зарабатывает?).

О выращивании и использовании человеческих клеток и тканей (НМ) не стоит и вспоминать – в этой отрасли строятся промышленные гиганты XXI века. Таким образом, биолатрический пенталог ведёт к расцвету крупного капитала и касты чиновников, служа этому плутократическо-бюрократическому альянсу.

И все это под прикрытием «нравственного прогресса» и «святости жизни».

Что-то, однако, не так в идеологии этого «прогресса»: элементы пенталого не гомогенные, а гетерогенные. От нимба «святости жизни» выбивается заповедь Л_А – ибо является «девальвацией жизни». Поэтому Церковь её отрицает. Некоторые либералы отвергают Б_А – такая «святость» умирания им не нравится; выбирают «цивилизацию смерти» (как это называет Церковь). Какую же «жизнь» должен защищать пенталог? Можно ли указать общий знаменатель для пяти его «институтов»? Можно, и речь идёт не о «святости биологической жизни» – как обычно говорят, – а о потребительской. (Потребление – это бытие реальное, а не потенциальное, – поэтому эмбрион и зигота не защищены пенталогом. Нет «потенциальных потребителей», как нет «потенциальных спящих» – потому что мы все ими являемся). Таким образом, пенталог является выражением культа жизни потребителя, а биолатрия – религией потребительства – с главной заповедью: «У вас не будет других богов, кроме ПОТРЕБЛЕНИЯ». Эта религия хочет создать «нового человека» и «счастливое общество» – без преследований со стороны Церкви, судов, без болезней и даже смерти. Станислав Лем на это не купился. Культу МОЛОХА он не поддался, а предпочел Церковь, суды, болезни и смерть.

Но откуда Лем знает, как лучше? – спросят. А откуда знают его оппоненты? Когнитивные статусы принятия и отвержения пенталого аналогичны. У Лема хотя бы нет обманчивых аргументов, они понятны.

Список литературы

1. Об этом: *Okołowski P., Materia i wartości. Neolukrecjanizm Stanisława Lema. Warszawa: Wydawnictwo Uniwersytetu Warszawskiego, 2010, s. 56-67.* На русском: Язневич В.И. Станислав Лем. Минск: Книжный Дом, 2014, с.150-153.
2. Так говорил... Лем / Перевод В. Борисова и В. Язневича. М.: Издательство АСТ, 2006, с. 631.
3. *Lem S. Sex Wars. Kraków: Wydawnictwo Literackie, 2004, s.91.*
4. Об эвтаназии / Перевод В. Язневича // В кн.: Лем С., Черное и белое. М.: Издательство АСТ, 2015, с. 401.
5. Лем С. Видение философа на льдине / Перевод В. Язневича. Печатается в настоящем сборнике.
6. *Lem S. Dziury w całym. Kraków: Wydawnictwo Znak, 1997, s. 10.*

⁴ Больше детей – это «интерес» для Церкви, – говорят недалёковидные. Но ведь этот «интерес» не экономический, несравнимый с затратами и прибылью от «выскабливания».

7. Lem S. *Otwierają się wrota do piekielnych poczynań. Rzeczpospolita (Warszawa), 31.10./1.11.1998, s. 29.*
8. Об этом: 1) Клоны / В кн.: Лем С. Черное и белое. М.: Издательство АСТ, 2015, с. 402. 2) Лем С. Под опекой одежды. Компьютерра (М.), 2001, №16, с. 55. 3) Лем С. Запутанный клубок. Компьютерра (М.), 2001, № 34, с. 40.
9. Lem S. *Lubią albo muszq. Znak (Kraków), 1998, nr 5, s. 17-18.*
10. Лем С. Сумма технологии. М.: Издательство АСТ, 2019, с. 514.

«СУМАСШЕДШЕЕ» ВРЕМЯ: ОПЫТ НЕЛИТЕРАТУРНОЙ ФАНТАСТИКИ НА ПОЛЯХ СТАНИСЛАВА ЛЕМА¹

Разинов Ю.А.

Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С.П. Королева, кафедра философии, профессор

Центральной темой статьи являются различные аспекты переживания времени, обусловленные «временной петлей» и путешествием во времени. Жанр научной фантастики позволяет перевести реальные, пусть и болезненные, переживания времени в план воображаемых, но вполне «разумных» сюжетов. Отмечается, что в большинстве сюжетов о временных аномалиях присутствует скрытая аксиоматика однородного, непрерывного и однонаправленного времени, а само переживание имеет интенциональную структуру «удержания – актуализации – предвосхищения». В этой связи автор попытался усложнить задачу и представить проблематику времени «сверхфантастично», т.е. неординарно в плане возможности построения сюжетной линии. В этой связи рассматриваются временные аномалии и девиации, обусловленные смещениями в структуре интенциональности при галлюцинаторных расстройствах и психотических переживаниях времени.

Ключевые слова: время, временная петля, переживание времени, интенциональная структура переживания времени, пространственные модели времени, временные аномалии и девиации.

"CRAZY" TIME: THE EXPERIENCE OF NON-LITERARY FICTION ON THE MARGINS OF STANISLAV LEM

Razinov Yu. A.

Samara University,
Department of Philosophy, Professor

The central theme of the article is the various aspects of the experience of time due to the "time loop" and time travel. The science fiction genre allows us to convert anomalous experiences of time into the plan of imaginary, but completely "reasonable" plots. The author notes that in most stories about temporal anomalies there is a hidden axiomatics of homogeneous, continuous and unidirectional time, and the experience itself has an intentional structure of "retention-actualization-anticipation". In this regard, the author tried to complicate the task and to present the problem of time "super fantastic", that is, extraordinary in terms of

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-011-00910 «Маргинальные феномены человеческого бытия (Антропология ad Marginem)».